

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Научная статья
УДК 332.1 + 339.9
doi:10.37614/2220-802X.3.2022.77.001

ЗАДАЧИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В НОВОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБСТАНОВКЕ

Валерий Иванович Салыгин¹, Андрей Константинович Криворотов²

¹Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия, miep@mgimo.ru, ORCID 0000-0001-6471-6794

²Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России, Одинцово, Россия, a.krivorotov@odin.mgimo.ru, ORCID 0000-0001-8983-5378

Аннотация. Цель статьи — проанализировать текущие события в Арктике с позиций долгосрочных глобальных изменений, связанных с формированием нового технологического уклада (включая четвертый энергопереход) и соответствующими подвижками в международной политике и экономике. Показано, что, несмотря на свое отдаленное положение и специфическую хозяйственную структуру, Арктика веками присутствовала на мировом рынке через поставки уникального сырья, опосредуемые внешними монополистами. Ситуация стала резко меняться с 1990-х гг., в эпоху глобализации. Заполярье покрылось сетью международных организаций, резко расширились трансграничные контакты северных регионов и коренных жителей. Одновременно с этим нарастали объективные противоречия, вылившиеся к началу 2020-х гг. в достаточно идеологизированные дискуссии о месте человека в Арктике, об ее целевом образе (сотрудничество или конфронтация) и роли внерегиональных «игроков» в управлении ею.

На фоне резкого обострения международной обстановки в 2022 г. фактически был сделан ряд принципиальных выборов, формирующих будущее Заполярья: на одном «полюсе» — Россия, продолжающая его широкое освоение и активно использующая свое положение единственной азиатской арктической страны для привлечения в регион новых игроков (особенно Китая); на другом — семь стран Организации Североатлантического договора (НАТО), вовлекающие в Арктику крупные западноевропейские государства и Европейский союз (ЕС) на условиях «зеленой повестки».

Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ) предстоит достаточно сложная трансформация в условиях жестких ограничений (резкое сокращение экспорта топлива в Европу, технологические санкции, экологически мотивированный нажим извне, милитаризация и др.). В данной обстановке становится особенно актуальным уточнение концепции развития в духе последних программных и законодательных актов по Арктике: переход от ресурсного освоения с ориентацией на импортное оборудование и экспорт сырья к поддержке всех форм предпринимательства, использованию мегапроектов для стимулирования местной экономики и инноваций.

Ключевые слова: арктическая экономика, трансформация, Россия, уточнение концепции, комплексное развитие, технологии

Для цитирования: Салыгин В. И., Криворотов А. К. Задачи развития российской Арктики в новой международной обстановке // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 3. С. 7–18. doi:10.37614/2220-802X.3.2022.77.001

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN ARCTIC

Original article

RUSSIAN ARCTIC DEVELOPMENT GOALS IN THE NEW INTERNATIONAL SITUATION

Valery I. Salygin¹, Andrey Krivorotov²

¹Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia, miep@mgimo.ru, ORCID 0000-0001-6471-6794

²Odintsovo branch of MGIMO University, Odintsovo, Russia, a.krivorotov@odin.mgimo.ru, ORCID 0000-0001-8983-5378

Abstract. This article aims to address current Arctic developments against the background of long-term global shifts related to the emerging new system of technologies (therein the fourth energy transition) and respective moves in the international politics and economy. We demonstrate that despite its remote location and characteristic economic structure, the Arctic has for centuries been present in the world market with its unique raw materials, supplied by outside monopolist intermediaries. The situation started to change rapidly in the 1990s, under the globalization. A network of international organizations was established, transboundary contacts among northern regions and Indigenous Peoples increased dramatically. Inherent contradictions were growing in parallel and turned by early 2020s into ideologically laden discussions on the human role in the Arctic, on its target image (cooperation vs confrontation) and on the role of non-regional actors in the Arctic governance.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

A number of key options were actually chosen under the dramatically increased international tension in 2022. They will shape the future global Arctic, with Russia on the one 'pole' continuing massive development efforts and using actively its unique position as the only Asian Arctic nation to involve new actors (first of all, China) vs seven NATO member states involving major European countries plus the EU and pursuing a green agenda.

The Russian Arctic Zone faces a somewhat sophisticated transformation under stringent restrictions (a sharp decrease in fuel exports to Europe, technological sanctions, environmentally motivated outside pressure, militarization, etc.). This situation makes it especially timely to adjust the development concept in line with the recent Arctic policy papers and legislation, namely to transit from resource extraction which relies on imported equipment and raw materials export towards supporting any businesses and using megaprojects to spur local economies and innovation.

Keywords: Arctic economy, transformation, Russia, concept adjustment, holistic development, technologies

For citation: Salygin V. I., Krivorotov A. K. Russian Arctic development goals in the new international situation. Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2022, no. 3, pp. 7–18. doi:10.37614/2220-802X.3.2022.77.001

Введение

Украинский кризис и последовавшее за ним кардинальное ухудшение отношений России с западным миром, невиданное со времен Карибского кризиса, за считанные месяцы изменили глобальную политическую и экономическую ситуацию, в том числе и в Арктике. Масштаб и конечные результаты этих перемен, естественно, лишь предстоит вполне осмыслить, при том что многие ключевые решения странам приходится в срочном порядке принимать уже сейчас.

Ни в коей мере не отрицая остроты и актуальности текущих проблем, настоящая статья ставит целью взглянуть на происходящее в Арктике с более широких позиций, поместив его в контекст долгосрочной глобальной трансформации. Учитывая новизну и масштабность проблематики, она еще явно недостаточно исследована теоретически. В то же время, вполне согласно с марксистским принципом о соотношении производительных сил и производственных отношений, в начале XXI в. мир вступил в полосу масштабных изменений, связанных со сменой базовых технологий (включая четвертый энергетический переход). Такие изменения всегда сопровождаются глубоким обновлением основных фондов, болезненным падением стоимости и деградацией ранее созданного производственного аппарата и, соответственно, выходом на арену новых стран-лидеров, которые уже «под себя», в обстановке жесткого противодействия, формируют инструменты и институты глобального управления [1]. Российская, как и в целом мировая Арктика, хотя и находится во всех смыслах на периферии подобных процессов, ни в коей мере из них не исключена.

Теоретическая база исследования. Северная экономика в мировом хозяйстве

За основу для анализа нами принята теория арктической, или северной, экономики, активно развивающаяся в последние годы и в России, и за рубежом. Для целей настоящей статьи особенно актуально ее менее исследованное международное

измерение.

Данная теория показывает, как социально-экономическое развитие мировой Арктики на протяжении столетий приобрело характерные особенности, во многом проистекающие из ее специфических природных условий — экстремальных климатических нагрузок, отдаленности от основных рынков, ярко выраженной сезонности работ. В столь сложной обстановке могут устойчиво существовать лишь три группы хозяйств, составляющих многоукладную северную экономику:

- масштабная, часто монополизированная добыча местных ресурсов, рассчитанная на вывоз их в центр и на экспорт (ресурсный сектор);
- исконное полунатуральное хозяйство коренных народов Севера, ведущееся на грани физического выживания (традиционный сектор);
- характерно высокое государственное присутствие, в том числе органы госадминистрации, объекты транспортной, социальной, жилищно-коммунальной инфраструктуры и военные базы (трансфертный сектор) [2, с. 27; 3, р. 81].

Такая структура обуславливает мощную финансовую и политическую власть Центра — административных и деловых столиц, которые на Севере, в отличие от умеренных широт, всегда выступали в роли главного инвестора и «функционального заказчика».

С точки зрения теорий международной конкурентоспособности добавим, что данные особенности определили весьма специфичное место Заполярья в мировом хозяйстве. Арктика была веками вовлечена в глобальные стоимостные цепочки, но через внешних для региона посредников, играя роль подчиненного источника сырья, до сих пор мощно доминирующего в его экспорте [4, р. 76; 5, р. 64]. Экономическое и политическое развитие арктических регионов во многом определяется решениями, принимаемыми далеко за их пределами, причем крупные мировые события сказываются на их динамике неоднородно в зависимости от их секторальной и отраслевой структуры.

Ресурсный сектор прямо конкурирует с производителями из других районов Земли, причем

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

в невыгодных для себя условиях: издержки производства и доставки товара на Севере объективно выше, оборачиваемость средств очень длительная. Поэтому развитие получает только добыча уникальных ресурсов, особые потребительские средства которых оправдывают эти, по сути замыкающие, издержки. В разные эпохи такими ресурсами служили, в частности, пушнина (белка для новгородских купцов, куница и соболь — для московских царей, бобёр — для английской Компании Гудзонова залива в нынешней Канаде), ценные породы рыб, лес, золото, нефть, газ, металлические руды, редкоземельные элементы и др. При этом ресурсный сектор наиболее зависим от колебаний мировой конъюнктуры на сырьевых рынках, а также от состояния (надежности и ценовой приемлемости) транспортных путей. В случае ухудшения обстановки он нередко сворачивается, оставляя после себя запустение [6]. Отсюда — характерная «пульсирующая» динамика северных поселений.

В эпоху транснациональных компаний (ТНК) данная тенденция усилилась: если прежние региональные монополисты были прочно привязаны к своим территориям, то для ТНК Арктика — лишь один из потенциальных регионов инвестирования наравне, допустим, с Латинской Америкой или Африкой, и в случае кризиса покинуть его гораздо проще. Свидетельством тому легкость, с которой из неперспективных арктических районов недавно уходили нефтяные компании. Когда англо-голландская «Шелл», вложившая в шельф Аляски около 7 млрд долл. США, в 2015 г. свернула там работы после ряда неудачных буровых сезонов, остальные недропользователи (американская «КонокоФилипс», норвежская «Статойл», испанская «Репсол» и др.) в течение нескольких месяцев также отказались от лицензий и закрыли свои представительства в штате¹. В 2017 г. история повторилась на шельфе Гренландии после ухода оттуда главного энтузиаста, средней нефтяной компании «Кэйрн Энерджи» (Шотландия). К 2021 г., когда новое правительство острова запретило дальнейшую нефтеразведку, ее уже фактически прекратили сами инвесторы, возвратив 23 лицензии из имевшихся 27².

Традиционный сектор наиболее устойчив: он веками существовал достаточно обособленно, вовлекаясь в мировые стоимостные цепочки лишь

через взаимодействие с ресурсным (классический пример — реализация коренными народами пушнины в факториях). Если последний сворачивается, коренные жители «возвращаются в тундру», к традиционному образу жизни, что, в частности, наблюдалось на Чукотке в 1990-х гг.

Трансфертный сектор, опирающийся на бюджетные деньги, наиболее зависим от изменений военно-политической обстановки и активности государственной социальной политики на Севере.

Военные ведут себя во многом аналогично добычным компаниям. Их присутствие на Севере объясняется, в первую очередь, интересами эксплуатации местных ресурсов (для оборонных ведомств таким ресурсом служит военно-стратегическое положение Арктики). В обоих случаях речь идет о мощных централизованных организациях, управляемых из столиц и обладающих доступом к передовым технологиям, огромными человеческими, материальными и финансовыми потенциалами. Они отличаются замкнутым, самодостаточным характером, их объекты нередко изолированы, что создает ограниченный спрос на местные товары и рабочие руки. В то же время, сам приход крупных «игроков» глубоко меняет жизнь северной периферии через создание новых поселений, совершенствование систем транспорта, связи и навигации.

Активность оборонных ведомств на Севере так же непостоянна: она обычно растет при осложнениях в международной политике и переживает упадок в периоды мирного сотрудничества. Наиболее ярким примером может служить военная деятельность и СССР / России, и западных стран в годы холодной войны и после нее. Гражданский бюджетный сектор много менее подвержен мировой конъюнктуре и, например, в российской Арктике 1990-х гг. служил серьезным стабилизирующим фактором.

В политическом устройстве арктических регионов имелись известные межконтинентальные различия: в Евразии Россия и страны Скандинавии уже столетия назад включили их в свой состав на общих основаниях, в то время как в Северной Америке Аляска и Гренландия утратили колониальный статус лишь в 1950-х гг., а территории Севера Канады до сих пор не уравниены в правах с южными провинциями. В целом, однако, можно констатировать, что, будучи частью эксплуатируемой мировой периферии, арктические регионы не обладают международной правосубъектностью, а входят в состав развитых государств, для которых Арктика является поэтому одновременно объектом политики и внешней, и внутренней (региональной). По этой причине и в силу конкурентной, а не взаимодополняющей

¹ Alaska Arctic exit complete: Repsol becomes last firm to relinquish Chukchi Sea leases. URL: <https://petroglobalnews.com/2016/06/alaska-arctic-exit-complete-repsol-becomes-last-firm-relinquish-chukchi-sea-leases/> (дата обращения: 04.08.2022).

² McGwin K. Greenland halts new oil exploration. URL: <https://www.arctictoday.com/greenland-issues-halt-to-new-oil-exploration/> (дата обращения: 02.08.2022).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

структуры экономики арктических регионов, они традиционно не составляли единого хозяйственного целого. Высокая милитаризация Севера в XX в. лишь усугубляла эту разобщенность.

Ситуация стала, однако, быстро меняться с 1990-х гг., с началом либеральной глобализации. Северные регионы и коренные жители оказались во многом обойдены вниманием своих правительств, зато в результате падения идеологических и тарифных барьеров они стали налаживать широкие горизонтальные связи. Материальной основой этого послужило бурное развитие информационных и коммуникационных технологий, особенно широкополосного Интернета. Заполярье покрылось сетью многосторонних структур, среди них выделяется универсальная межправительственная организация — созданный в 1996 г. Арктический совет (АС). Рост внимания политиков и нефтяных компаний к Северу начиная с середины первого десятилетия XXI в. придал процессу дополнительный импульс. Из заснеженной глобальной окраины Арктика стала на глазах превращаться в новый, динамичный и достаточно целостный, макрорегион мировой политики и экономики.

Результаты исследования. Глобальная Арктика: выбор траектории развития

Как отмечалось в работе [7, с. 22], в последние годы состояние мировой Арктики было в известном смысле переходным: в результате динамичного развития в регионе и вокруг него накапливались объективные противоречия, отражающие более широкие общемировые изменения. К началу нынешнего десятилетия эти противоречия отделились в достаточно жесткие идеологизированные дискуссии минимум по трем принципиальным проблемам.

Первая, тесно связанная с глобальной климатической повесткой, касается места человека в Арктике. В мире на этот счет сложилось два принципиальных подхода. Один базируется на абсолютизации таких аспектов, как уникальный характер региона, защита его уязвимой природы и традиционной культуры северян, под которыми де-факто подразумеваются почти исключительно коренные жители. Отсюда вывод о желательности сократить присутствие «белого» человека в Арктике до необходимого минимума — что, помимо прочего, в качестве побочного эффекта усилит милитаризацию региона (поскольку военное присутствие в этот минимум «по умолчанию» входит). Активные сторонники такого подхода — правительства Канады, Швеции, правящий кабинет Гренландии, Демократическая партия в США (достаточно вспомнить

заявления, подписанные в 2016 г. президентом Б. Обамой с лидерами Канады и стран Северной Европы³), мировые экологические некоммерческие организации (НКО) типа «Гринпис». В 2020 г. к ним присоединились крупнейшие банки, отказываясь открывать финансирование американским нефтяникам на Аляске⁴.

Другой подход строится на понимании, что несомненно важная охрана арктической природы вполне может сочетаться с разумным, устойчивым освоением региона. Главными факторами успеха при этом являются опора на современные природосберегающие технологии, строгий экологический контроль, воспитание у людей сознательного отношения к Арктике [8]. Таких взглядов придерживаются Россия, Финляндия, Норвегия, Исландия, республиканцы в США, администрации северных регионов, многие промышленные компании.

Очевидно, что победа того или иного подхода способна оказать долгосрочное влияние на весь ход экономического развития мировой Арктики. Следует, однако, подчеркнуть неизбежность ее глубокого технического переоснащения аналогично первой трети XX в., когда новый технологический уклад изменил всю жизнь Севера, привнес в нее пароходы, железные дороги, авиацию и радиосвязь.

Вторая проблема — целевой образ региона: воспринимать ли Арктику как арену международного сотрудничества или конфронтации, что стало весьма актуально в свете ползучей деглобализации, резко подстегнутой кризисом отношений России с Западом, курсом США на глобальное сдерживание Китайской Народной Республики (КНР) и мировой пандемией коронавируса. Сотрудничество в Арктике успешно развивалось даже в этих условиях, породив известную теорию «арктической исключительности» [9]. В частности, за последние годы был создан Форум береговых охран арктических стран, подписаны многосторонние соглашения о запрете рыбного промысла в центральном районе Северного Ледовитого океана и о научном сотрудничестве в Арктике.

Тем не менее, начиная с известной речи Госсекретаря М. Помпео «на полях» Министерской встречи АС в Рованиеми (Финляндия) в мае 2019 г., США официально распространили на Арктику логику

³ U. S.-Canada Joint Statement on Climate, Energy, and Arctic Leadership, March 10, 2016. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/03/10/us-canada-joint-statement-climate-energy-and-arctic-leadership> (дата обращения: 08.05.2022); U. S.-Nordic Leaders' Summit Joint Statement, May 13, 2016. URL: <https://www.obamawhitehouse.gov/the-press-office/2016/05/13/us-nordic-leaders-summit-joint-statement> (дата обращения: 08.05.2022).

⁴ Drill music // Economist. 2020. 22 August. P. 34.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

своего глобального противостояния с Россией и Китаем⁵. Подходы заинтересованных стран к данной теме серьезно разделились, причем не по блоковому принципу. Так, Россия, КНР или член НАТО Норвегия, выражая озабоченность ростом напряженности, подчеркивали необходимость широкого сотрудничества в регионе. Например, в последнем пока документе по норвежской арктической политике — правительственном докладе от октября 2020 г. — отмечается: «Сегодняшние Арктика и Заполярье — мирный и стабильный регион... Норвегия вкладывает значительные ресурсы в укрепление двух- и многостороннего сотрудничества с нашими северными соседями для решения общих проблем... В последние годы, однако, военно-политическое развитие осложнилось и на глобальном уровне, и в прилегающих к нам районах. Мы вынуждены с этим считаться» [10, с. 18]. Сравним эти взвешенные формулировки с оценкой правительства нейтральной Швеции, опубликовавшего с разницей всего в месяц новую редакцию национальной Стратегии для Арктического региона: «Как и в дни холодной войны, Арктика стала линией разграничения между западными странами и Россией... Швеция будет работать над сохранением и ростом вовлеченности европейских государств и ЕС в дела Северной Европы и над укреплением трансатлантической связи» (последний термин прямо заимствован из лексикона НАТО) [11, р. 23]. Жизнеспособность арктического сотрудничества поверх идейных барьеров стала вызывать сомнения [12, с. 270].

Третья принципиальная проблема связана с объективным различием интересов восьми арктических государств, имеющих статус Постоянных членов АС, и всё более широкой группы внерегиональных государств, проявляющих к Арктике живой практический интерес. Отсюда — принципиальная развилка: следует ли решать проблемы региона силами самих арктических стран или же, со ссылкой на их глобальный характер, пытаться «интернационализировать» Арктику, рассматривая ее в том или ином виде как общее достояние человечества [13; 14, р. 38]. Данная логика четко прослеживается, например, в опубликованной в 2018 г. Арктической политике Китая [15].

Вопросы, таким образом, назревали уже не один год. Значимость событий 2022 г. заключается скорее в том, что за истекшие месяцы все три развилки были в известном отношении пройдены.

Страны Запада — семь из восьми Постоянных

членов АС — 3 марта 2022 г. «поставили на паузу» участие в работе АС (где сейчас председательствует Россия) и Баренцевом/Евроарктическом регионе, заморозили связи по линии коренных народов⁶. В ходе последовавших крупных международных форумов — апрельской «Арктической встречи» (Arctic Encounter) на Аляске и майских «Арктических рубежей» (Arctic Frontiers) в норвежском Тромсё — главной темой для обсуждения экспертов и политиков стало выстраивание сотрудничества без участия России, в информационное поле был даже вброшен новый термин «формат А7». В результате 8 июня министры иностранных дел семи стран заявили об «ограниченном возобновлении» своей работы в рамках АС — только по ранее начатым проектам без участия нашей страны⁷.

Тем самым мировое Заполярье было в полной мере включено Западом в сферу глухого противостояния, невзирая на практическую безнадежность попыток решения общерегиональных проблем в обход крупнейшего арктического государства, занимающего почти половину побережья Северного Ледовитого океана. Здесь, безусловно, возможны свои нюансы — Норвегия, например, не отказывается от крайне важного для нее двустороннего сотрудничества по вопросам рыболовства в Баренцевом море, существующего с 1970-х гг. — но общая тенденция задана четко.

В этом же контексте следует воспринимать планы вступления Швеции и Финляндии в НАТО (на момент написания статьи соответствующие протоколы подписаны, но еще не ратифицированы всеми сторонами). Хотя основные военно-политические интересы двух стран, особенно Швеции, сосредоточены на Балтике, вполне очевидно, что их членство в Альянсе, равно как и недавняя активизация в Скандинавии руководимого Великобританией Объединенного экспедиционного корпуса, будет объективно осложнять обстановку в Арктике.

Исключив из своих дискуссий главного сторонника освоения Заполярья, западные страны принялись активнее продвигать в нем «зеленую повестку». Расчет при этом (как и в целом в нынешней политике Запада) делается на «политические изменения» внутри России, чтобы та

⁶ Joint Statement on Arctic Council Cooperation Following Russia's Invasion of Ukraine, March 3, 2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-arctic-council-cooperation-following-russias-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 12.03.2022); В МИД сообщили о последствиях заморозки работы Арктического совета. URL: <https://ria.ru/20220520/mid-1789662641.html> (дата обращения: 22.05.2022).

⁷ Joint Statement on Limited Resumption of Arctic Council Cooperation, June 8, 2022. URL: <https://www.state.gov/joint-statement-on-limited-resumption-of-arctic-council-cooperation/> (дата обращения: 10.06.2022).

⁵ Johnson S., Wroughton L. Pompeo: Russia is 'aggressive' in Arctic, China's work there also needs watching. URL: <https://www.arctictoday.com/pompeo-russia-is-aggressive-in-arctic-chinas-work-there-also-needs-watching> (дата обращения: 18.06.2022).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

в итоге вернулась в западное сообщество уже на иных, определенных им условиях.

Россия, со своей стороны, сохраняет верность идеям наращивания хозяйственной деятельности на Севере. На президентском совещании 13 апреля 2022 г. была поставлена задача не откладывать ни одного из масштабных проектов, при этом «активнее привлекать к сотрудничеству в Арктике и так называемые внерегиональные государства и объединения»⁸. Страна намерена выполнить намеченную программу своего председательства в АС, пусть и с участием только заинтересованных сторон.

Таким образом, начинают формироваться контуры некоей новой, поляризованной Арктики. На одном «полюсе» — Россия, активно использующая свое положение единственной азиатской арктической страны для привлечения в регион новых игроков (особенно Китая), более широко и системно сопрягающая освоение Арктики с поворотом на Восток. На другом — семь стран НАТО, вовлекающие в Арктику крупные западноевропейские государства и структуры Евросоюза. В целом, однако, они будут больше склоняться к ограничению хозяйственной деятельности в Заполярье, поддержке низкоуглеродных решений и традиционного сектора. При этом каждая страна или субнациональный регион (включая такие нестандартные, как Гренландия, Сингапур, Турция или Шотландия) преследует в Арктике собственный интерес. АС как организация остается — сами страны Запада признали нецелесообразность создания альтернативного формата без России — но наполовину бездействует или в лучшем случае утрачивает положение лидирующего органа регионального сотрудничества. Реальная конкуренция между двумя «полюсами» развернется за третьи страны — за создание более привлекательного образа Арктики и более выгодных условий для их проникновения в регион.

Этот сценарий, непохожий ни на арктическое соперничество великих держав в XVIII в. — начале XX в., ни на замкнутое блоковое противостояние времен холодной войны, ставит перед арктической экономикой, прежде всего российской, довольно нетипичные задачи.

Обсуждение результатов. Уточнение концепции развития российской Арктики

Прежде всего отметим, что в России традиционно складывались два принципиальных подхода к освоению Арктики, а точнее говоря, Севера и

Востока страны в целом. Исторические судьбы этих громадных окраин не просто аналогичны (из-за сходного сурового климата, удаленности от Центральной России и отсутствия, кроме разгромленного Сибирского ханства, прежних государственных образований) — они и тесно взаимосвязаны [16]. Именно через Север шло первое проникновение русских в Сибирь, включая легендарную «златокипящую Мангазею». Северный морской путь, наряду с Сибирским трактом (а затем Транссибом), соединенные между собой великими сибирскими реками, в транспортном и хозяйственном отношении связали запад и восток страны. Соответственно, практику освоения этих колоссальных пространств целесообразно рассматривать в комплексе.

Первый, «имперский», подход носит четко выраженный ресурсный характер: вовлечь колоссальный потенциал территорий в национальный хозяйственный оборот и направить его на внешние рынки. По мере исчерпания ресурсов освоение шло дальше, до берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов, с выстраиванием длинных транспортно-логистических цепочек. Еще одна, уникальная именно для России, функция Севера — служить каналом прямых политических и торговых контактов с дальней границей, минуя недружественные государства Центральной Европы. Купцы при этом шли рядом с военными, а нередко и совпадали с ними в одном лице, что обеспечивало силовое прикрытие от внешних конкурентов. Со времен Первой мировой началось и собственно военное освоение Севера. По мере возникновения спроса на новые ресурсы происходило регулярное «переосмысление» и «переосвоение» региона на новой технологической основе, но его экономическая суть оставалась прежней: задешево (том числе с помощью массового принуждения — обьясачивание, каторга, трудовые лагеря) эксплуатировать эти ресурсы в общегосударственных, преимущественно международных, нуждах [17].

Но параллельно шла и другая, «низовая», колонизация — спонтанное переселение на север и восток в поисках сакральных мест, свободных пахотных земель, быстрого заработка и, главное, воли (типично русское понятие, по сути объединяющее обе ницшеанские свободы — «свободу от» и «свободу для»). Этот разношерстный процесс был народной реакцией на внутривнутриполитические события и в хозяйственном отношении ориентировался первоначально на внутренний рынок [18]. Его действующие лица — крестьяне и монахи, казаки и ссыльные, староверы и молодые специалисты, авантюристы и иностранцы — формировали новый имидж далеких земель, собственные региональные культуры и идентичности.

⁸ Совещание по вопросам развития Арктической зоны. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68188> (дата обращения: 16.04.2022).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Два колонизационных потока дополняли друг друга. С одной стороны, «низовые» поселенцы приходили обычно в места, уже формально присоединенные к государству. С другой стороны, само правительство считало подлинно своей только землю, по которой прошелся плуг русского земледельца [19].

Представляется, что секрет успеха крупных освоительских проектов XX в. — столыпинского переселения на Дальний Восток, сталинского подъема Севера в тридцатые годы, формирования громадной нефтегазодобывочной провинции в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах — кроется, в частности, в умело достигнутом правительством сочетании обоих потоков, в объединении государственных мощи и ресурсов с народным энтузиазмом.

Поле распада СССР Север добрых полтора десятилетия воспринимался, в духе монетаризма, как обуза для бюджета, что породило его массовую депопуляцию и жесткую, порой хищническую приватизацию. Та же модель, которая сформировалась с конца нулевых годов (во многом на волне общемирового всплеска интереса к Арктике), мощно тяготеет к ресурсному подходу. В ее основе — военные и гражданские инвестиционные мегапроекты, реализуемые так или иначе за бюджетные средства: собственно государством, госкомпаниями или частными предприятиями, но с мощной налоговой и иной господдержкой. При этом арктические добычные проекты нередко базировались на использовании рабочей силы и оборудования, завозимых из Центральной России или из-за рубежа, и были ориентированы преимущественно на экспорт сырья низкой степени обработки. На местах «оседают» лишь отдельные незначительные подряды.

Минэкономразвития на протяжении нескольких лет лоббировало законопроекты об «опорных зонах развития» в АЗРФ, призванные узаконить такую практику, порождая всемогущих местных монополистов [20]. Победил, к счастью, иной подход, воплощенный в 2020–2021 гг. в новой редакции Основ госполитики в регионе, с ее сбалансированной системой целевых установок, и в пакете федеральных законов о поддержке фактически всех форм предпринимательства в Арктике⁹. Идейно эта концепция, дополненная

субсидированием авиаперелетов на Север и в Зауралье и механизмом «арктического гектара», гораздо ближе к низовой колонизации с опорой на широкие массы северян.

В практической политике, однако, основная ставка по-прежнему делается на ресурсные проекты. Малый северный бизнес (розничная торговля, сервис, туризм и др.) часто существует отдельно от них, по своей рыночной нише приближаясь скорее к традиционному сектору. Подобная ситуация, не позволяющая комплексно использовать потенциал АЗРФ, еще могла быть объяснима в условиях открытости российской экономики на Запад и Восток в свете соответствующих внешнеполитических задач (таких, как срочный выход на новые для нас сырьевые рынки, укрепление роли страны как гаранта энергобезопасности Европы, привлечение иностранных инвесторов с различных континентов или наращивание грузовой базы для Севморпути).

Теперь же можно с высокой определенностью сказать, что на перспективу 15–20 лет АЗРФ будет развиваться под воздействием ряда жестких внешних ограничений. Они настоятельно потребуют уточнения концепции, более строгой расстановки приоритетов и перестройки стоимостных цепочек с усилением ориентации на внутренние резервы, включая саму АЗРФ. Рассмотрим, не ранжируя, некоторые из этих ограничений.

Первое. Пожалуй, самым очевидным эффектом представляется уже развернутая перекройка мировых энергетических рынков, резко ускоренная обещаниями Евросоюза и США в ближайшие годы прекратить импорт энергоносителей из России.

Отметим, что кризис на газовых рынках Европы и КНР начался задолго до украинских событий, еще осенью 2021 г. Его фундаментальной причиной стал дисбаланс между вводом новых мощностей зеленой электрогенерации и выводом (включая физическое уничтожение) старых тепловых. За последние месяцы, столкнувшись с угрозой физического дефицита топлива и замерзания целых городов, европейские лидеры откорректировали свои планы, вплоть до возобновления угольной генерации. Те же норвежцы, чтобы насытить газовый рынок ЕС, планируют в ближайшее десятилетие всемерно наращивать добычу, включая освоение ранее считавшегося низкорентабельным заполярного месторождения Вистинг в Баренцевом море.

Но, несмотря на временные корректировки, общая линия Запада остается прежней. Повышение стоимости и угроза дефицита импортного топлива придают лишь дополнительный импульс развитию возобновляемой

⁹ Указ Президента Российской Федерации от 05 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 10. Ст. 1317; Федеральный закон от 13 июля 2020 г. № 193-ФЗ «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 29. Ст. 4503.

Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 29. Ст. 4503.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

энергетики: в таких условиях она становится не только экономически рентабельной, но политически значимой как фактор самообеспечения ЕС. А в США нефтяники, в том числе на Аляске, прямо обвиняют Дж. Байдена, что он готов закупать нефть даже у недружественных государств, но при этом наложил на собственных производителей «больше санкций, чем на российских»¹⁰. Выступая в июне 2022 г. на Петербургском экономическом форуме, заместитель председателя Правительства России А. В. Новак заметил: «В течение года, на мой взгляд, несколько зеленая повестка потускнела, и цвет ее стал не зеленым, а цвета хаки... хотя тенденция все равно продолжается, я не скажу, что она остановилась»¹¹.

С позиций России как ведущего экспортера углеводородов эти процессы означают реальную угрозу потери главных внешних рынков: в 2021 г. на долю стран ЕС пришлось 64,7 % объемов ее экспорта газа и 47,0 % — нефти (плюс 2,7 % у США)¹². При этом в Арктике добывается около 90 % российского природного газа и порядка 15 % нефти. В АЗРФ расположены и новые экспортные мегапроекты — «Арктик СПГ-2» (Гыданский полуостров), «Восток Ойл» (север Красноярского края и Якутии), угольная шахта «Северная звезда» (Таймыр) и др.

На президентском совещании 14 апреля 2022 г. нарушение логистики экспортных поставок было признано главной проблемой отрасли¹³. В качестве одного из решений называлась, в частности, переориентация экспорта в Азию, что соответствует приоритетам российской энергодипломатии [21, с. 16–19]. Однако, как показали весна и лето 2022 г., это сопряжено с масштабными инфраструктурными и маркетинговыми (в том числе ценовыми) проблемами.

Думается, в сложившейся обстановке было бы одинаково неверно и огульно отказываться от труднореализуемых арктических проектов и, наоборот, под предлогом национальных геополитических интересов «продавливать» их любой ценой, в конечном итоге за счет

федерального бюджета. Безусловно, надо пользоваться имеющимися экспортными возможностями на сырьевых рынках и создавать новые. Но все же главная переориентация потоков арктической нефти должна быть не столько на восток, сколько на юг — на переработку в России как для внутреннего рынка, так и для экспорта. При этом в качестве важной попутной задачи будет возрождаться транспортная связность внутри самой России, особенно за Уралом.

Второе. Активно продвигаемая Западом зеленая повестка, безусловно, шире «простого» свертывания нефтегазодобычи. Следует ожидать нарастания давления на любую хозяйственную деятельность в Арктике под экологическими (прежде всего, климатическими) лозунгами. Оно может, в частности, выражаться в попытках экологически мотивированного бойкота товаров, произведенных в АЗРФ, и нажима на потенциальных инвесторов из третьих стран. Под особый удар может попасть Северный морской путь в части и транзитного, и экспортного грузопотоков. Достаточно вспомнить кампанию по отказу от перевозки товаров арктическими морями, запущенную несколько лет назад в США и поддержанную рядом крупных производителей одежды и обуви¹⁴.

В этой связи России для собственных нужд и для работы на мировой арене следует разработать и продвигать собственную, реалистичную и научно обоснованную климатическую концепцию. Задача облегчается отъездом А. Б. Чубайса — одного из главных лоббистов некритического заимствования низкоуглеродного регулирования и принципов ESG в 2020–2021 гг., которое грозило за несколько лет подорвать отечественную тяжелую промышленность.

Третье. Технологические санкции Запада уже ударили прямо или косвенно по ряду арктических проектов. В качестве ярких примеров можно привести ограничения на поставки криогенного оборудования проекту «Арктик СПГ-2»¹⁵ и сложности с возвращением из Канады турбины для «Северного потока», по которому в Федеративную Республику Германия идет ямальский газ. Не менее значимый вызов — сохранение транспортной и информационной связности АЗРФ и территории России в целом, прежде всего в сфере

¹⁰ Huff E. Fact: Biden has sanctioned more American oil than Russian oil. URL: <https://www.naturalnews.com/2022-03-01-biden-sanctioned-more-american-oil-than-russian-oil.html> (дата обращения: 21.03.2022); API releases video urging Biden to tour American energy sites. URL: <https://www.worldoil.com/news/2022/7/14/api-releases-video-urging-biden-to-tour-american-energy-sites/> (дата обращения: 14.07.2022).

¹¹ Мировая зеленая повестка стала цвета хаки, заявил Новак. URL: <https://ria.ru/20220617/zelenye-1796054492.html> (дата обращения: 27.06.2022).

¹² Рассчитано по: Экспорт российского природного газа. URL: <https://tass.ru/infographics/9451> (дата обращения: 22.06.2022); Экспорт нефти из России. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Экспорт_нефти_из_России (дата обращения: 22.06.2022).

¹³ Совещание о текущей ситуации в нефтегазовом секторе. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68191> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁴ Arctic Corporate Shipping Pledge. URL: <https://oceanconservancy.org/climate/shipping/arctic-shipping-pledge/> (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁵ Алексей Гривач: России предстоит переосмыслить всю стратегию развития отрасли СПГ. URL: <https://oilcapital.ru/interview/11-04-2022/aleksey-grivach-rossii-predstoit-pereosmyslit-vsyu-strategiyu-razvitiya-otrasli-spg> (дата обращения: 11.04.2022).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

авиационных перевозок и мобильной связи¹⁶.

В этой связи, особенно учитывая смену технологических укладов, надо подчеркнуть, что вполне обоснованные претензии России на лидерство в Арктике требуют лидерства в арктических технологиях. Пока вполне очевидны только монополия нашей страны на строительство и эксплуатацию атомных ледоколов, а также сохраняющиеся преимущества в методах добычи углеводородов в суровых условиях заполярной тундры. В остальных прорывных направлениях — оптоволоконные и спутниковые системы связи и навигации, приложения с применением искусственного интеллекта, автономные (в том числе беспилотные) надводные, подводные и воздушные суда, низкоуглеродные транспорт и жилищно-коммунальное хозяйство, зеленая и водородная энергетика, телемедицина и креативные индустрии — предстоит жесткая конкуренция на внутреннем и внешнем рынках, которую западные страны будут вести методами политизированных «торговых войн». Отметим также, что с весны 2019 г. в КНР ведется строительство собственного атомного ледокола, по своим характеристикам вполне сопоставимого с ныне строящимися российскими проектами 22220 и способного подвести солидную материальную основу под настойчивые призывы Китая к свободе судоходства в Арктике [22, с. 123–124].

Думается, главным лозунгом для АЗРФ в данном случае должно стать не импортозамещение (при всей его значимости), а именно инновационный поиск новых прорывных решений. И, вполне возможно, отказ от реализации или по крайней мере от налогового стимулирования некоторых арктических проектов, не отвечающих этим критериям.

Одновременно с этим, учитывая явственно обнажившуюся зависимость России от импорта продукции даже средней и низкой технической сложности, становится реально необходимым налаживание производства ее внутри страны, причем максимально приближенно к местам потребления. Понятно, что в условиях АЗРФ это потребует не только развития местной промышленной базы, но и определенного изменения самой философии ресурсных компаний. Для этого их отношения с региональными властями должны базироваться на сочетании административных и гражданско-правовых механизмов, налагающих на компании четко определенные договорные обязательства по закупкам товаров и услуг местных производителей [23, с. 43–44]. Причем здесь важнейшую

практическую роль призваны играть не федеральные, но региональные и местные власти, исходя из своих специфических условий [24].

Четвертое. Следует ожидать заметного военного строительства и НАТО, и России на Севере, роль которого для нашей страны, как в прошлом, объективно возрастет в свете появления пояса недружественных государств на западных рубежах. Учитывая отмеченное регионально-экономическое сходство оборонного и ресурсного секторов, при этом возникает аналогичная задача — максимизировать мультипликаторы каждого военного объекта для российской промышленности и науки, для развития экономики самой АЗРФ.

Пятое. Было бы весьма неосмотрительно, лишившись доступа к западному капиталу, бездумно переориентироваться на азиатских инвесторов, среди которых наиболее перспективными являются китайские. По опыту общения с учеными из КНР видно, что они ясно осознают национальные интересы в Арктике и формулируют обширные заявочные позиции: формальное усиление роли страны в международном управлении Арктикой, улучшение условий работы китайских компаний на трассе Севморпути, расширение их допуска к ресурсной базе АЗРФ и др. Причем беспрецедентные льготы, полученные ими на «Ямал СПГ», будут невольно восприниматься как отправная точка.

Здесь желательно, видимо, следовать практике самих китайцев: четко осознать интересы России, действовать достаточно осторожно и предельно прагматично, увязывая любой допуск внешних инвесторов в АЗРФ со строго зафиксированными обязательствами по развитию местной экономики.

Заключение. Перспективы будущих исследований

В течение нескольких месяцев российская и мировая Арктика оказалась в новой системе международных политических и экономических координат. К сожалению, была если не утрачена совсем, то законсервирована большая часть наследия трансграничного сотрудничества, которое развивалось в регионе последние три десятилетия. Мировому Заполярью, видимо, предстоит достаточно длительная полоса развития в расколоте состоянии, но, в отличие от холодной войны, при растущей вовлеченности внерегиональных игроков.

Жесткое подчинение Арктики интересам внешней политики, дополненное на Западе мощным экологическим нажимом, грозит вновь превратить ее в «безголосую», а отчасти и опустевшую периферию. В то же время, обострение заочного соревнования за самый привлекательный образ Арктики дает ее регионам новый шанс на развитие с

¹⁶ Baker R. NATO Tensions Reinforce and Complicate Russia's Arctic Ambitions. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/nato-tensions-reinforce-and-complicate-russias-arctic-ambitions> (дата обращения: 02.05.2022).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

опорой на технологии завтрашнего дня. Причем с точки зрения самих регионов не столь значимо, кто привнесет эти технологии — ресурсные компании, компьютерные ТНК или военные. Главное, чтобы они «оседали», осваивались и развивались на местах.

Вполне вероятно, что в наступающую новую технологическую эпоху, основанную на сетевых принципах, Арктика сможет найти свою нишу и даже сформировать новый, четвертый сектор — предприятия различного масштаба, внедряющие современные технологии, эффективно взаимодействующие с тремя другими секторами и встроенные в глобальные цепочки нового типа. Поиск оптимальных, научно обоснованных решений потребует масштабных исследований на стыке проблематики научно-технического прогресса, устойчивого развития, арктической и мировой экономики, включая экономику роста и деколонизацию. По сути, предстоит разработать комплексную теорию развития Арктики в информационную эру. Прикладные аспекты этих исследований должны, в частности, затрагивать

вопросы стратегии сбалансированного пространственного развития России, гармоничного сочетания интересов инвестора и принимающей территории (экономические, управленческие и юридические механизмы). Необходим систематический сбор и анализ мирового опыта.

Важным практическим результатом указанных исследований призвана стать выработка конкретных рекомендаций государственным органам и компаниям по развитию АЗРФ и составляющих ее регионов, для которых новая ситуация порождает и уникальные возможности, и серьезные риски. Российской Арктике предстоит жизнь в условиях жестких внутренних и внешних ограничений с заметным усилением ориентации на внутренний рынок (как при сбыте продукции, так и в закупках). Процесс адаптации будет, видимо, достаточно длительным и болезненным. Но в целом он гораздо больше, чем инерционная траектория, соответствует как интересам развития Арктической зоны, так и решению жизненно важной общероссийской задачи создания экономики, адекватной перспективным технологическим реалиям.

Список источников

1. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории: монография. М.: Проспект, 2021. 416 с.
2. Крюков В. А., Крюков Я. В. Арктическая экономика — можно ли обеспечить гармонию общего и особенного // Научные труды Вольного экономического общества. 2019. № 2. С. 26–53.
3. Larsen J. N., Petrov A. (2020). The Economy of the Arctic // The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics. Ed. by K. Coates and C. Holroyd. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 79–96.
4. Arctic Human Development Report / Ed. by N. Einarsson, J. N. Larsen, A. Nilsson and O. R. Young. Akureyri: Stefansson Arctic Institute, 2004. 356 p.
5. The Economy of the North — ECONOR 2020 / Ed. by S. Glomsrød, G. Duhaime and I. Aslaksen. Oslo; Kongsvinger: Arctic Council Secretariat and Statistics Norway, 2021. 232 p.
6. Lasserre F. Exploitation des ressources naturelles dans l'Arctique. Une évolution contrastée dans les soubresauts du marché mondial // Études du CQEG. 2021. № 3. 12 p.
7. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы, тенденции, перспективы. Научно-аналитический доклад / под науч. ред. д. э. н, проф. В. С. Селина, д. э. н., проф. Т. П. Скуфьиной, к. э. н., доц. Е. П. Башмаковой, к. э. н., доц. Е. Е. Торопушиной. Апатиты: КНЦ РАН, 2016. 420 с.
8. Dmitrieva D., Romasheva N. Sustainable Development of Oil and Gas Potential of the Arctic and Its Shelf Zone: The Role of Innovations // Journal of Marine Science and Engineering. 2020. No. 8. Pp. 1–18.
9. Käpylä J., Mikkola H. Contemporary Arctic Meets World Politics: Rethinking Arctic Exceptionalism in the Age of Uncertainty // The Global Arctic Handbook. Ed. by M. Finger and L. Heininen. Cham: Springer, 2019. Pp. 153–169.
10. Meld. St. 9 (2020–2021) Mennesker, muligheter og norske interesser i nord. Oslo: Det Kgl. Utenriksdepartement, 2020. 189 s.
11. Sweden's strategy for the Arctic region. Stockholm: Government Offices of Sweden, 2011. 64 p.
12. Новая парадигма развития международных экономических отношений: вызовы и перспективы для России: монография / под общ. ред. и с предисл. Т. М. Исаченко, Л. И. Ревенко. М.: МГИМО-Университет, 2022. 403 с.
13. Wilson Rowe E. Arctic governance. Power in cross-border cooperation. Manchester: University Press, 2018. 266 p.
14. Kristoffersen B., Langhelle O. Sustainable Development as a Global-Arctic Matter: Imaginaries and Controversies // Governing Arctic Change. Ed. by K. Keil and S. Knecht. London: Palgrave Macmillan, 2017. Pp. 21–41.
15. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm (дата обращения: 20.05.2022).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

16. Добрыднев В. А. Поморье и колонизация Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII вв.): автореф. дис. ... к. и. н. Архангельск: ПГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. 25 с.
17. Яницкий Н. Торговля пушным товаром в XVII в. Киев: Тип-я Имп-го Унив-та св. Владимира, 1912. 34 с.
18. Казаркин А. П. Этапы колонизации Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2008. № 2. С. 31–40.
19. Ремнев А. В. Сделать Сибирь и Дальний Восток русскими: к вопросу о политической мотивации колонизационных процессов XIX — начала XX века. URL: <https://zaimka.ru/remnev-motivation/?ysclid=I5o2lfg2y5484271903> (дата обращения: 15.04.2022).
20. Криворотов А. К. Проблемы законодательного обеспечения развития Арктической зоны России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 2. С. 4–15. DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-2-2018-58-4-15
21. Салыгин В. И., Гулиев И. А. Перспективы развития восточного вектора в газовой дипломатии России // Экологический вестник России. 2019. № 2. С. 14–19.
22. Россия — Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи»: монография / сост. А. О. Виноградов, А. С. Исаев, Е. И. Сафронова, М. В. Александрова. М.: ИДВ РАН, 2020. 240 с.
23. Усс А. В., Крюков В. А., Нефедкин В. И., Криворотов А. К. Как повысить региональные эффекты от ресурсных проектов // ЭКО. 2022. № 2. С. 27–46. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-27-46
24. Пилясов А. Н. Региональная промышленная политика в арктических территориях: какая она есть и какой ей быть? // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. № 3. С. 7–29. DOI:10.37614/2220-802X.3.2021.73.001

References

1. Glazyev S. Yu. *Za gorizontom kontsa istorii* [Beyond the end of history]. Moscow, Prospect, 2021, 416 p. (In Russ.).
2. Kryukov V. A., Kryukov, Y. V. Arkticheskaya ekonomika — mozjno li obespechit' garmoniyu obshchego i osobennogo? [Arctic economy — is it possible to harmonize the common and specific?]. *Trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii* [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia], 2019, no. 2 (162), pp. 26–53. (In Russ.).
3. Larsen J. N., Petrov A. (2020). The Economy of the Arctic. In: *The Palgrave Handbook of Arctic Policy and Politics*. Ed. by K. Coates and C. Holroyd. Cham, Palgrave Macmillan, 2020, pp. 79–96.
4. Arctic Human Development Report. Ed. by N. Einarsson, J. N. Larsen, A. Nilsson and O. R. Young. Akureyri, Stefansson Arctic Institute, 2004, 356 p.
5. The Economy of the North — ECONOR 2020. Ed. by S. Glomsrød, G. Duhaime and I. Aslaksen. Oslo, Kongsvinger, Arctic Council Secretariat and Statistics Norway, 2021, 232 p.
6. Lasserre F. Exploitation des ressources naturelles dans l'Arctique. Une évolution contrastée dans les soubresauts du marché mondial [Exploitation of natural resources in the Arctic. An evolution against the backdrop of world market shakeups]. *Études du CQE* [Research papers of CQE], 2021, no. 3, 12 p. (In French).
7. *Sever i Arktika v novoy paradigme mirovogo razvitiya: aktual'nye problemy, tendencii, perspektivy* [The North and the Arctic in the new global development paradigm: topical issues, trends, prospects]. Apatity, Kola Science Center of RAS, 2016, 420 p. (In Russ.).
8. Dmitrieva D., Romasheva N. Sustainable Development of Oil and Gas Potential of the Arctic and Its Shelf Zone: The Role of Innovations. *Journal of Marine Science and Engineering*, 2020, no. 8, pp. 1–18.
9. Käpylä J., Mikkola H. Contemporary Arctic Meets World Politics: Rethinking Arctic Exceptionalism in the Age of Uncertainty. In: *The Global Arctic Handbook*. Ed. by M. Finger and L. Heininen. Cham, Springer, 2019, pp. 153–169.
10. Meld. St. 9 (2020–2021) Mennesker, muligheter og norske interesser i nord [Report to the Storting No. 9 (2020–2021) Humans, opportunities and Norwegian interests in the North]. Oslo, Det Kgl. Utenriksdepartement, 2020, 189 s. (In Norw.).
11. Sweden's strategy for the Arctic region. Stockholm, Government Offices of Sweden, 2011, 64 p.
12. *Novaya paradigma razvitiya mezhdunarodnyh ekonomicheskikh otnoshenij: vyzovy i perspektivy dlya Rossii* [New development paradigm of international economic relations: challenges and prospects for Russia]. Moscow, MGIMO University, 2022, 403 p. (In Russ.).
13. Wilson Rowe E. *Arctic governance. Power in cross-border cooperation*. Manchester, University Press, 2018, 266 p.
14. Kristoffersen B., Langhelle O. Sustainable Development as a Global-Arctic Matter: Imaginaries and Controversies. In: *Governing Arctic Change*. Ed. by K. Keil and S. Knecht. London, Palgrave Macmillan, 2017, pp. 21–41.
15. China's Arctic Policy. The State Council Information Office of the People's Republic of China. January 2018. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-01/26/c_136926498.htm (accessed 20.05.2022).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

16. Dobrydnev V. A. *Pomor'e i kolonizaciya Zapadnoj Sibiri (konets XVI — nachalo XVIII vv.): avtoref. dis. k. i. n.* [Land of Pomors and colonization of Western Siberia (late 18th — early 19th centuries). Synopsis of PhD. dissertation in History]. Archangelsk, Lomonosov Pomor State University, 2003, 25 p. (In Russ.).
17. Yanickiy N. *Torgovlya pushnym tovarom v XVII v.* [Fur merchandise trade in 17th century]. Kiev, St. Vladimir Imperial University printing house, 1912, 34 p. (In Russ.).
18. Kazarkin A. P. Etapy kolonizacii Sibiri [Stages in Siberian colonization]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Research papers of Tomsk State University. History series], 2008, no. 2, pp. 31–40. (In Russ.).
19. Remnev A. V. Sdelat' Sibir i Dalniy Vostok russkimi: k voprosu o politicheskoy motivacii kolonizacionnykh processov XIX — nachala XX veka [Making Siberia and Far East Russian: on policy motivation of colonization processes in 19th-early 20th centuries]. (In Russ.). Available at: <https://zaimka.ru/remnev-motivation/?ysclid=I5o2lfg2y5484271903> (accessed 15.04.2022).
20. Krivorotov A. K. Problemy zakonodatel'nogo obespecheniya razvitiya Arkticheskoy zony Rossii [Problems of legislative base for Russian Arctic Zone development]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2018, no. 2, pp. 4–15. (In Russ.). DOI: 10.25702/KSC.2220-802X-2-2018-58-4-15
21. Salygin V. I., Guliev I. A. Perspektivy razvitiya vostochnogo vektora v gazovoj diplomatii Rossii [Prospects for developing the Eastern vector in Russia's natural gas diplomacy]. *Ekologicheskij vestnik Rossii* [Russian environmental herald], 2019, no. 2, pp. 14–19. (In Russ.).
22. *Rossiya — Kitay: shansy i vyzovy otnoshenij "novoy epokhi"* [Russia — China: chances and challenges for relations in the "new age"]. Moscow, IFS RAS, 2020, 240 p. (In Russ.).
23. Uss A. V., Kryukov V. A., Nefedkin V. I., Krivorotov A. K. (2022). Kak povysit' regionalnye efekty ot resursnykh proektov [How to Increase the Regional Effects of Resource Development Projects]. *ECO*, 2022, no. 2, pp. 27–46. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2022-2-27-46
24. Pilyasov A. N. Regionalnaya promyshlennaya politika v arkticheskikh territoriyakh: kakaya ona est' i kakoy ey byt'? [Regional industrial policy in the Arctic territories: what is it and what should it be?]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2021, no. 3, pp. 7–29. (In Russ.). DOI:10.37614/2220-802X.3.2021.73.001

Об авторах:

В. И. Салыгин — докт. техн. наук, член-корреспондент РАН, проф., директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО МИД России;

А. К. Криворотов — канд. экон. наук, доц.

About the authors:

V. I. Salygin — Doctor of Technical Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Director of International Institute of Energy Policy and Diplomacy, MGIMO MFA of Russia;

A. K. Krivorotov — PhD (Economics), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17 июля 2022 года.

Статья принята к публикации 04 августа 2022 года.

The article was submitted on July 17, 2022.

Accepted for publication on August 04, 2022.